

Э.В. Георгиевский

ОБЫЧНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО ДРЕВНЕЙ ГЕРМАНИИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВЫХ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ

Аннотация. В статье рассматривается генезис и формирование обычного уголовного права древнегерманских племен, выраженное в основных уголовно-правовых категориях – преступлении и наказании. Обычное право древних германцев, являясь фундаментом для последующего формирования позитивного права, являлось совокупностью религиозно-правовых императивов, различающихся и территориально, и этнически. Универсальность на данном историческом этапе общего подхода к понятию преступного предполагала неразделенность материальной и формальной составляющей в его содержании. Основными формами общественного принуждения, как прообразами уголовных наказаний, являлись кровная месть и изгнание из общества.

Ключевые слова: Древняя Германия, обычное право, преступление, кровная месть, изгнание, личный принцип права, война, трусость в бою, свирепость варваров, прелюбодеяние.

Согласно точке зрения Робера Фоссье, «обычай» был ключевым термином в эпоху средневековья. Вся средневековая юриспруденция воспроизводилась благодаря памяти о судебных прецедентах. Обычаи различались не только в зависимости от места, но и достаточно часто от личности; они царствовали там, где была бессильна церковь, в том числе, и при возникновении конфликтов интересов¹. Даже к X в. в Западной Европе продолжало господствовать обычное право, лишь иногда дополняемое королевскими законами. Обычное право, в том числе и обычное уголовное право Древней Германии, «обеспечивало необходимый фундамент для новой традиции права, которая его заменила»². Однако при этом, как обоснованно полагает Г.Дж. Берман, обычное право Древней Германии до IX в. не знало ни системы профессионального юридического образования, ни развитой юридической науки, ни профессиональной прослойки юристов³.

Стратегия в применении права древними германцами к моменту окончательного завоевания Галлии королем Хлодвигом в 486 г. определяется так называемым «личным принципом применения права», сформулированным С.Ф. Кечекияном еще в 1947 г. Его суть сводится к тому, что, например, древние франки во всех юридических делах, в том числе и в вопросах применения уголовного права, руководствовались нормами своего обычно-уголовного права. Это касалось первоначально (до издания варварских правд) только

случаев, когда пару «субъект преступления – потерпевший» составляли с одной стороны, галло-римлянин, а с другой, франк (древний германец). В тех же случаях, когда преступления совершались в среде исключительно галло-римлян, действовали нормы римского права, представленные в виде своеобразных компиляций римских юристов и конституций, изданных римскими императорами⁴.

Собственно, подобное касалось не только франков, но и других германских племен в период до переселения народов. М. Капустин вполне резонно замечает, что до переселения народов у древних германцев простые юридические отношения, составлявшие суть обычного права, не нуждались в письменном закреплении. Однако в процессе заселения новых земель и столкновения с иными народами обычное древнегерманское право «сделалось нераспознаваемым» и поэтому потребовалось его письменное закрепление в форме народных правд⁵. М. Блок по этому поводу иронично замечает, что если во франкской Галлии вместе собирается пять человек (например, римлянин, салический франк, рипуарский франк, бургунд и вестгот), то не нужно было удивляться, что каждый из них подчинялся исключительно своему закону⁶.

О преобладании германского закона над римским, в силу «личного принципа права», говорит и Питер Штайн, и ситуация эта длилась вплоть до VI в., когда личный принцип права начал постепенно уступать место принципу территориальному. Происходило это, по мнению П. Штайна, в силу слияния германцев и галло-

¹ Фоссье Р. Люди средневековья. СПб., 2010. С. 240.

² См.: Чернышов Д.В. Особенности обычного права Западной Европы раннего средневековья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2002. № 1. С. 95.

³ Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 40.

⁴ См.: Всеобщая история государства и права. Т. 1: Древний мир. Средние века: Под ред. В.А. Томсинова. М., 2011. С. 383.

⁵ Капустин М. Очерк истории права в Западной Европе. М., 1866. С. 41.

⁶ Блок М. Феодалное общество. М., 2003. С. 115.

римлян⁷. По мнению М. Блока, эта система стала крайне неудобной и изжила сама себя только в IX в.⁸

Личный принцип применения права в интерпретации С.Ф. Кечекьяна Э. Аннерс называет «принципом индивидуальности»⁹. Принцип индивидуальности в применении права означал, что германские короли должны были издавать законы отдельно для своих подданных-германцев, и отдельно для подданных, имеющих галло-римское происхождение¹⁰. Так, например, был создан королем вестготовов Аларихом II в 505 – 506 гг. «*Breviarum Alaricianum*» (Справочник Алариха), а королем бургундов Гундобальдом в начале VI века была издана «*Lex Romana Burgundiorum*» (Законы римских бургундов)¹¹. Это были сборники, преимущественно, римского права, которое продолжало действовать доминирующим образом во всех церковных делах. Примечательно, но личный принцип применения права действовал достаточно долго и в других средневековых германских землях, впоследствии переставших быть таковыми. Так, в грамотах некоторых лангобардских городов вплоть до XIII в. встречались фразы: «проживающий по лангобардскому праву», «проживающий по римскому праву». При этом эти различия сохранялись и в юридических процедурах¹². Тем не менее, древнегерманские вожди старались не пренебрегать собственным обычным правом, так как такое пренебрежение могло им стоить жизни. По имеющимся свидетельствам, за попытку отказа от племенного права в 416 г. был убит своими соплеменниками вестготский предводитель Атаульф¹³.

Однако необходимо отметить, что из этого личного принципа применения закона все-таки были исключения. Так, анализируя Салическую Правду, в частности титул «О человекоубийстве скопищем», И.Ю. Николаева обращает внимание на одну очень интересную деталь. Штраф за убийство королевского сотрапезника – галло-римлянина был выше, чем за убийство простого свободного франка. По мнению

ученой, подобное исключение было красноречивым свидетельством заинтересованности франкского короля в военно-политической поддержке тех галло-римских магнатов, которые имели собственные военные силы, и на которых можно было опереться в военных действиях¹⁴.

Были примеры и кардинально противоположные, когда римское население оказывалось в достаточно униженном состоянии. Согласно данным П. Кудрявцева, у лангобардов было столь презрительное отношение к побежденным римлянам, что ни о каком личном принципе права речь просто не шла. «В государстве лангобардов, – сообщает ученый, – не было места особым личным правам, вопреки тому, что мы находим почти у всех германских народов, поселившихся на римской земле. Римлянам, жившим в лангобардских пределах, не оставалось ничего более, как составить в лангобардском обществе особое, полусвободное сословие «альдиев» и пользоваться лангобардским правом на основании своего нового состояния». Хотя, справедливости ради, необходимо уточнить, что сам Т.Н. Грановский, рецензировавший работу П. Кудрявцева, с данной позицией согласен не в полном объеме¹⁵.

Общее понятие преступного у древнегерманских племен выражалось в причинении вреда «всяким неправомерным посягательством», а мера наказуемости определяется степенью и характером личного ущерба пострадавшему¹⁶. «В первобытных законодательствах германских племен, – пишет Ш. Летурно, – деньги играют весьма большое значение. От всего можно избавиться при помощи наличных денег. Таким образом, все преступления и проступки рассматриваются просто с точки зрения нанесенного убытка, а не с точки зрения абстрактной справедливости»¹⁷.

По мнению В.В. Есипова, общее понятие преступления у древних германцев проходило все те же стадии развития, что и у других народов. На первоначальном этапе преступное деяние являлось грехом и рассматривалось как нарушение обязанностей, предписываемых волей всемогущих богов. Постепенно преступление превращается в нарушение обязанностей, предписываемых предводителями племен, которые сами были божественного проис-

⁷ Stein P. Roman law in European history. Cambridge University press. 1999. P. 38 – 39.

⁸ Блок М. Феодальное общество. С. 115.

⁹ В интерпретации Алана Хардинга данный принцип получил название принципа «личного закона» (Harding A. Medieval Law and the Foundations of the State. Oxford University press, 2001. P. 12).

¹⁰ Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 128.

¹¹ См.: Всеобщая история государства и права. Т. 1: Древний мир. Средние века: Под ред. В.А. Томсинова. С. 383.

¹² См.: Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII – XV веках. По материалам центральных и северных областей. М., 1987. С. 22.

¹³ См.: Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография. М., 2013. С. 143.

¹⁴ Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. С. 318.

¹⁵ Цит. по: Полное собрание сочинений Т.Н. Грановского. Том II. СПб., 1905. С. 26.

¹⁶ См.: Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 19–20.

¹⁷ Летурно Ш. Нравственность. Развитие ее с древнейших времен и до наших дней. СПб., 1908. С. 210.

хождения. Существенного различия между преступным и греховным не проводилось¹⁸.

Согласно семантическому исследованию, проведенному С.В. Санниковым, древнегерманское родовое понятие преступного ярче всего отражалось в англосаксонских правовых памятниках, которые писались не на варварской латыни, как практически все *lex barbarorum*, а на древнегерманском языке. Это родовое понятие, используемое для обозначения всех правонарушений, практически не дифференцировалось на материальную и формальную составляющие, так как оно было тесно связано и с причинением ущерба конкретному лицу и с отклонением от общепринятого правомерного поведения в обществе¹⁹. Кроме того, не было еще четкого деления преступления на деяние, причиняющее вред частному лицу и деяния, причиняющие вред государству²⁰.

Но в древнегерманском родовом догосударственном обществе механизм причинения преступного вреда был еще более архаичен и никоим образом не был связан изначально с констатацией вреда отдельной личности. «Индивидуум, – пишет К. Лампрехт, – превратился в ничто при естественном родовом союзе; индивидуум был не личность, а только один номер в числе соплеменников. Если один из соплеменников уничтожал чужую жизнь или собственность, то по правовым воззрениям большей части низших культур, все прочие соплеменники подлежат такой же ответственности, как и виновный: убийство, воровство могло быть наказано в лице какого-либо другого соплеменника в такой же мере, как и в лице самого преступника»²¹. Древние германцы не мыслили себя как самостоятельные субъекты права, отдельно от своих племен, и не могли себя противопоставлять племени или обществу²².

Одним из самых тяжких преступных деяний у древних германцев считается, очевидно, трусость в бою. Социально-правовая характеристика данного деяния лежит в плоскости общинного мировосприятия. Трусость

одного достаточно часто вызывала цепную реакцию и с неизбежностью приводила к поражению в бою или даже в войне. Это, в свою очередь, могло поставить на грань жизни и смерти все племя. Именно поэтому, по информации Цезаря, во время оборонительных и наступательных войн у них выбиралась «особая власть с правом жизни и смерти»²³.

Предсказание исхода предстоящей или текущей войны было настолько важным событием, что германцы прибегали в этих случаях к помощи богов²⁴. «Бросить щит, – сообщает Тацит, – величайший позор, и подвергшемуся такому бесчестию возбраняется присутствовать на священнодействиях и появляться в народном собрании, и многие, сохранив жизнь в войнах, покончили со своим бесславием, накинув на себя петлю»²⁵.

Помимо трусости к тягчайшим преступлениям против, очевидно, всей общины или племени относились дезертирство и измена. К изменникам и дезертирам, в том числе, приравнивались и те, кто отказывался участвовать в грабительских военных походах по предложению того или иного вождя. Впоследствии таким людям отказывалось в доверии²⁶.

Народное собрание племени, являвшееся у древних германцев, в том числе, высшей судебной инстанцией, приговаривало «трусов и оплошавших в бою» к смертной казни, осуществляемой в виде утопления в грязи или болоте. После процедуры казни место, где она была произведена, забрасывалось валежником. По мнению Тацита, это часть процедуры казни свидетельствовала о необходимости скрывать особо позорные деяния, в отличие от тех преступлений и наказаний за них, которые необходимо было осуществлять публично в целях назидания и предупреждения новых злодеяний. Так, например, предателей и перебежчиков вешали на деревьях²⁷.

Однако у войны, отождествляемой у древних германцев с правом, была и другая сторона, о которой упоминал Тацит²⁸. Будучи для германцев практически

¹⁸ Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. С. 20.

¹⁹ Санников С.В. Представление о преступном деянии в раннесредневековой германской правовой культуре: соотношение частного и публичного начала // Проблемы античного мира и современность: Межвузовский научный сборник. Вып. 1. Алмата, 2010. С. 228.

²⁰ Так как это было, к примеру, в древнейшем римском праве, где достаточно четко дифференцировались *delicta publica* и *delicta private* (См.: Скрипилев Е.А. Основы римского права. Конспект лекций. М., 2003. С. 83)..

²¹ Лампрехт К. История германского народа. М., 1894. С. 69.

²² См.: Абалонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. М., 2009. С. 3.

²³ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне об александрийской войне, об африканской войне. М.-Л., 1948. С. 129.

²⁴ См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения. Л., 1969. С. 358.

²⁵ Там же. С. 356.

²⁶ См.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне об александрийской войне, об африканской войне. С. 130.

²⁷ См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения. С. 358.

²⁸ Более подробно о войнах между родовыми обществами см.: Георгиевский Э.В. Истоки происхождения уголовного права в архаических обществах. Иркутск, 2006.

постоянным времяпрепровождением, война была нужна для славы, доблести, чести, удобного расселения, содержания для дружины и богатства для вождей. Эпоха великого переселения народов, в расцвете которой мы и узнаем о существовании древних германских племен, характеризуется большим количеством территориальных войн. Именно посягательства извне и составляли, по мнению, например, А.С. Шляпочникова, практически единственную и основную социальную опасность для людей того времени. Бесконечные междоудовые войны являлись и основным тормозом в развитии общественных отношений²⁹. Причинами подобного рода конфликтов выступали невозможность длительного обеспечения себя на определенных территориях, вызывающая необходимость перехода на новые территории в поисках необходимых средств существования. Такие миграционные процессы неизбежно приводили к столкновению интересов различных родов и военным конфликтам, к борьбе за право на существование, основной подоплекой которых нередко выступала кровная месть³⁰. О том же говорит и Ч. Беккариа, полагающий, что именно растущие человеческие потребности приводят к необходимости объединения, а это, в свою очередь, приводит к появлению последующих объединений, им противостоящих³¹.

Интересную интерпретацию войны применительно к основам уголовного права осуществляет Н.А. Неклюдов. Согласно точке зрения исследователя, именно посредством военных столкновений с применением оружия между родами и союзами приобретались и отстаивались права и, в конечном счете, «само собой возникало равноправие всех союзов и родов»³². Именно столкновение одного союза с другим составляло межсоюзное преступление, где наказанием для побежденных выступало наличие выгодных последствий для победителей³³. «Все поведение по отношению к чужакам, – считает М. О. Косвен, – строится на основе изолированности, страха, отчужденности, враждебности, напряженной готовности отразить всякое посягательство и ревнивом противодействии какому-либо

преобладанию»³⁴. Столкновения между группами, по мнению ученого, становятся иногда просто неизбежными как в силу уплотнения населения, так и в силу усложнения примитивного быта. Новые условия приспособления заставляют отказаться от пассивного избегания опасностей и требуют не только активного отражения посягательств, но и, в определенных случаях, прямого нападения на врага³⁵. Одним из самых распространенных преступных деяний, собственно, провоцирующим на междоудовые столкновения, являлось нарушение границ рода³⁶.

Со временем конфликтные отношения между племенами и родами начинают выходить на иной качественный уровень. В основе таких конфликтов выступают противоречия экономического характера, нередко обостряемые личными отношениями и соперничеством племенных глав. Война уже не носит прежний хаотичный характер, становится более осмысленной и получает название «войны-грабежа»³⁷. Военный грабеж давал возможность быстрого и легкого обогащения и война стала вестись только ради грабежа, становясь «постоянным промыслом». Победители забирали себе все, что представляло хоть какую-нибудь ценность – сокровища, оружие, богатую одежду, скот, рабов, а затем и чужие земли. Во многом распространению войны-грабежа способствовала ее героизация – быть воином было почетно³⁸.

Естественно, что война представляет собой одну из тех форм конфликтности, основными результатами которой является причинение смерти, вреда здоровью различной степени тяжести, уничтожение и повреждение чужого имущества, унижение чести и достоинства личности, в том числе и при посягательствах на половую свободу и неприкосновенность, потеря физической свободы. Все эти перечисленные объекты являются, в первую очередь и прежде всего, объектами именно уголовно-правовой охраны, практически, в любом обществе и в любую эпоху. Посягательства на них составляет костяк так называемой общеуголовной преступности. Ярчайшую характеристику именно этой стороны древнегерманского права и войны, как неотъемлемой его части, дает

²⁹ Шляпочников А.С. Происхождение уголовного права и его развитие в докапиталистических формациях. М., 1932. С. 7.

³⁰ Там же. С. 8.

³¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 70.

³² См.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. СПб., 1865. С. 160.

³³ Там же. С. 161.

³⁴ Косвен М.О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М. – Л., 1925. С. 8.

³⁵ Там же. С. 18.

³⁶ См.: Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву. Ч. 1. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. С. 9.

³⁷ См.: Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. С. 195.

³⁸ См.: Першиц А.И. История первобытного общества: Учебник. М., 1974. С. 196.

П. Буассонад. Жестокость и свирепость варваров³⁹, под которыми исследователь подразумевает, прежде всего, германцев, не знала пределов. Они без разбора убивали местных жителей (в том числе женщин, юных девушек, детей), женщины и скот уводились. Захват каждого города сопровождался обычно бойней, после которой «пиры» устраивали собаки и птицы. В Аквитании, Испании, Британии⁴⁰ англ, юты, саксы, алеманы, вестготы Алариха, вели себя как «кроважидные звери. Они убивали христиан и священников⁴¹, сжигали их заживо, публично насиловали и убивали женщин, заковывали их в железо. То же самое происходило на захваченных землях Македонии, Фессалии, Греции, Иллирии⁴². «Разрушать и грабить варварам было также приятно, как убивать и насиловать. Оттуда, где они проходили, они уносили все, оставляя позади только пламя пожара и злоеющие развалины»⁴³. Та же самая судьба постигала памятники, церкви, здания и сооружения культового и просветительского назначения.

Кроме смертной казни, как высшей меры наказания, народное собрание древних германцев использовало систему штрафных санкций. Однако в качестве платежных средств использовались не монеты, а единицы скота. По свидетельству Тацита, древние германцы практически не знали цену золоту и серебру и почти не пользовались деньгами. А вот скот крупный и мелкий был для них «единственным и самым любимым достоянием». Именно возможность откупиться человекоубийце от наказания или кровной мести определенным количеством скота, по мнению Корнелия Тацита, свидетельствует об отсутствии косности в непримиримости

в характере древних германцев⁴⁴. Алан Хардинг полагает, что штрафными санкциями наказывались и другие общеуголовные преступления, например, такие как убийство, нападения и воровство⁴⁵.

Вполне развит был у древних германцев принцип справедливости в отношении применения наказаний. Во всяком случае, о достаточно подробной дифференциации штрафных санкций, что, свидетельствовало именно о «соразмерности наказания важности проступков» у них, говорит Тацит⁴⁶. На эту же немаловажную деталь обращает внимание М.Д. Шаргородский, говорящий о том, что у древних германцев времен Тацита «наказание является соразмерным преступлению»⁴⁷. Сумма штрафа распределялась у древних германцев изначально. Часть шла царю или племени, а часть – пострадавшему или его родственникам⁴⁸. Подобное распределение было далеко не случайным. Право исключительной свободы (*fehderecht*) для древнего германца распространялось только на его тело, честь и имущество. Причем каждый имел право выбора – требовать строго регламентированного вознаграждения за любой из повреждаемых объектов (*busze*) либо настаивать на праве личной власти и продолжать вражду⁴⁹. «Но так как вредоносное действие одновременно нарушало и общий мир, – пишет В.В. Есипов, – то народ присваивал себе часть буссы, которая считалась вначале за вознаграждение, затем видоизменилась и, наконец, приобрела вид публично-го штрафа»⁵⁰.

Право свободной воли древнего германца и право композиций, являясь древними и первобытными, легли в основу последующего письменного законодательства (*leges barbarorum*)⁵¹. А до этих пор, по словам Э. Аннерса, примирительное право германского родового общества представляло собой простую сумму конфликтных ситуаций, которые возникали между отдельными представителями общества. И это право носило устойчивый характер не только потому, что длительное время передавалось из поколения в поколение в уст-

³⁹ Нужно отметить, что вполне «нейтральная» характеристика древних германцев Тацитом и Цезарем во многом обусловлена желанием этих авторов противопоставить «свежий менталитет» варваров изнеженному и закостеневшему в пороках римскому обществу.

⁴⁰ Из-за упорного почти 150-летнего сопротивления часть кельтов была истреблена, часть обращена в рабов и зависимых людей («сельскохозяйственных рабов»), а остальные были вытеснены на континент (Страхов Н.Н. Государство и право феодальной Англии. Харьков, 1964. С. 3).

⁴¹ О многочисленных пытках, издевательствах и казнях христиан пишет и Григорий Турский. При этом в арсенале свирепствующих язычников находились темницы, дыба, огонь, металлические когти, рубились головы и другие части тела, людей отправляли в изгнание и морили голодом (Турский Г. История франков. М., 1987. С. 29, 31–32, 47).

⁴² Справедливости ради необходимо отметить, что к варварам П. Буассонад относит также и славян, а кроме того, гуннов, сарматов и тюрок.

⁴³ Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М., 2010. С. 32–36.

⁴⁴ См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения. С. 355, 362.

⁴⁵ Harding A. *Medieval Law and the Foundations of the State*. P. 10.

⁴⁶ См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения. С. 359.

⁴⁷ Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву. С. 41.

⁴⁸ См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения. С. 359.

⁴⁹ См.: Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. С. 20.

⁵⁰ Там же. С. 21.

⁵¹ Там же. С. 21.

ной форме, но и потому, что в представлении древнего германца закон был «вечной категорией» (ewa)⁵².

Особую похвалу Корнелий Тацит высказывает состоянию нравственности в брачно-семейной сфере древних германцев. Многоженство в их среде было достаточно редким явлением, предопределяемым исключительно знатностью человека. Приданое предлагает не жена мужу, а наоборот, причем в качестве подарков выступают скот, боевые кони и оружие. Впрочем, и жены также дарят мужьям оружие, что свидетельствует о символическом заключении не только брачного союза, но и союза семейно-военного. С этого времени женщина полностью разделяет с мужем все тяготы и лишения войн⁵³. Говорит об особой нравственной чистоте древних саксов и Адам Бременский, отмечая, что у них для наказания преступников используются «прекрасные законы», а жизнь они ведут полезную и достойную в чистоте нравов и согласную с законами природы. Именно поэтому в случае несоблюдения социального статуса при бракосочетаниях, они подлежали наказанию. Особенно это касалось тех лиц мужского пола, которые сочетались браком с женщинами более высокого происхождения. В этом случае таким мужчинам грозила смертная казнь⁵⁴.

Но, например, по свидетельству Карла Лампрехта, у древних германцев существовала такая форма заключения древнего брака, как похищение. Нужно заметить, что похищение невесты (девушки) для брака являлось одной из многих форм языческого заключения браков, практиковавшихся практически у всех народов в период догосударственного быта. К этим формам, например, у древних славян относились простая «умычка» (похищение), умычка с последующей уплатой вена (откупа), продажа невесты по взаимному соглашению сторон, хождение за невестой с последующей уплатой вена, «привод» невесты к жениху с последующим получением вена⁵⁵.

Все перечисленные формы языческого брака расположены в векторе последовательной смены одной формы другой (последующей). В Древней Германии до VI в., согласно точке зрения К. Лампрехта, существовали похищение и покупка. Это вполне соответствовало, по мнению исследователя, специфике нераздельного права собственности мужа в последний период материнского права. «Подобное право собственности

могло опираться только на похищение, или на куплю: но купля женщин слишком мало соответствовало военным воззрениям германцев; похищение же, и в особенности похищение женщин, считалась всегда у здоровых народов, стоящих на доисторической ступени культуры германцев, геройским делом»⁵⁶. Несмотря на тот факт, что, практически, до эпохи Каролингов основной формой брака являлось похищение, древние германцы начинали понимать необходимость преодоления раздоров между родами, в том числе и путем выплаты откупной суммы⁵⁷. Но и откупная сумма, составлявшая основу брака-покупки, в конечном итоге не была самоцелью. Для укрепления моногамного брака мужу необходимо было не только считаться собственником, но и быть защитником, покровителем своей жены и детей. Эту проблему с успехом начал преодолевать брак-опека. Именно с этого момента, как считает, К. Лампрехт, муж становится господином, на которого возлагается серьезная обязанность защищать свою жену и детей⁵⁸.

Удивление Тацита вызывает и практическое отсутствие прелюбодеяний среди древних германцев. Измены настолько редки у этого народа, что право наказывать за измену принадлежит самим мужьям. Изменнице обрезают волосы, раздевают донага и в присутствии родственников выбрасывают из дома. Затем женщину прогоняют по улице селения и одновременно бьют бичом. Согласно исследованиям Сюзанны Фоне-Вампль, изменниц древние германцы также казнили смертью путем закапывания в землю⁵⁹. В ряде племен бытует правило брать в жены только девственниц и женщина, вступающая в брак, окончательно утрачивает надежду повторно выйти замуж. Надо заметить, что изменница, публично изобличенная и наказанная, также уже фактически не имела такой возможности⁶⁰. Согласно данным Ф. Энгельса, измена жены также являлась основанием для расторжения с ней брака⁶¹.

Однако в целом отношение к женщине у древних германцев было более чем превосходным. По словам Тацита, женщина это самое святое, что есть у древнегерманского воина. Именно к ним идут они со своими ранами, они доставляют пищу, одобряют поведение германца, придают мужество дрогнувшим в бою. К женским советам относятся со всем внимани-

⁵² Аннерс Э. История европейского права. С. 127.

⁵³ См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения. С. 361.

⁵⁴ Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский Славянские хроники. М., 2011. С. 12.

⁵⁵ См.: Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв.: монография. М., 2011. С. 53–54.

⁵⁶ Лампрехт К. История германского народа. С. 89.

⁵⁷ Там же. С. 91.

⁵⁸ Там же. С. 91–92.

⁵⁹ См.: История женщин на Западе: В 5 т. Т. II: Молчание Средних веков. СПб., 2009. С. 173.

⁶⁰ См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения. С. 361.

⁶¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1961. С. 138.

ем, а прорицаниями не пренебрегают⁶². Эти сведения Тацита об отношении древних германцев к женщине, согласно точке зрения Л.Н. Соловьевой, свидетельствуют о существовании у древних германцев пережитков матриархата. О том же свидетельствуют более тесные узы родства между дядей и племянником по сестре, чем между отцом и сыном. На этом же был основан институт заложничества, когда для врага более желательным в качестве заложника были племянник или племянница по сестре, а также дочери и племянницы из рода вождя племени⁶³. «Отсюда, – сообщает К. Лампрехт, – педантическое охранение женщин в кругу ее племенных отношений, отсюда опасение, что раз будут брать в плен женщин, то вследствие этого может быть утеряна естественная основа всякого дальнейшего развития племени, – опасение, воодушевлявшее к победе гораздо больше, чем боязнь собственного плена, – отсюда обычай при особенно тяжелых условиях договора давать в заложницы совершеннолетних девушек вместо менее обязывающих юношей»⁶⁴.

Негативно относились древние германцы к ограничению количества детей и их умерщвлению, особенно тех, кто родился после смерти отца. Вероятно, что если отец семейства был жив, то вопрос об умерщвлении детей или ребенка все-таки мог быть поставлен и зависел от различных объективных и субъективных обстоятельств⁶⁵. В конечном итоге большое количество родственников и, прежде всего, детей предопределяли благополучную старость⁶⁶. Хотя, например, согласно данным Проспера Буассонада, обычай подкидывать и убивать нежеланных детей, существовавший у древних германцев, был вызван непрекращающимися войнами, голодом, нуждой и тяжелым трудом. Именно это препятствовало, по мнению исследователя, демографическому росту столь «плодовитых по природе народностей»⁶⁷. В то же время у германцев существовал обычай формального усыновления детей, когда в общество людей ребенок вступал только после того, как был формально усыновлен отцом. Отец должен был заставить ребенка прикоснуться губами к молоку или меду, а затем под-

нять его на руки и дать ему имя («вдохнуть душу»)»⁶⁸. «После совершения этого обряда жизнь сына или дочери была гарантирована, и право убить или покинуть ребенка предоставлялось отцу лишь в случае какого-либо крайнего бедствия»⁶⁹.

Существовал у древних германцев обычай умерщвлять стариков и больных, правда, только у одного племени – герулов. Герулы были не только самым «консервативным» племенем из всех других, но и долгое время географически они были удалены от остального человечества. «Как только кто-нибудь становился слабым и бессильным от старости, друзья и родственники его складывали огромный костер и помещали на него намеченную жертву; кто-нибудь из других герулов, не имеющий отношения к семье убиваемого, ударял его кинжалом и затем зажигал костер»⁷⁰. Впрочем, согласно точке зрения Р. Элизе, причиной подобного отношения к старым и больным было частое отсутствие пищи и невозможность прокормить всех членов общества. Кроме того, существовала у данного жертвоприношения и своеобразная мифическо-оправдательная основа, выражающаяся в том, что старики умерщвляются в угоду богам, с целью искупить своей смертью жизнь молодых⁷¹.

Гостеприимство у древних германских племен испокон века находится в особой чести, и отказать кому-либо в гостеприимстве – значит лишиться чести. Оскорбление гостя – грех, а потому о госте заботятся особо, оберегая его от возможных случайных обид⁷². В соответствии с теорией дара, разработанного М. Моссом, древний германец обязан был возвращать принесенный дар в большем объеме, ибо невозмещенный дар или невозмещенный в большем объеме унижал того, кто его принял. Именно поэтому небогатые люди могли даже разориться во время приема гостей или проведения праздников, а также потенциально были готовы ради гостей совершить преступление⁷³.

Специфическое отношение к рабам у древних германцев выражалось в том, что господа достаточно редко использовали принуждение к работам. Редко секли рабов и редко их заковывали. А вот убийство

⁶² См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения. С. 357.

⁶³ См.: Введение в германскую филологию: Учебник для филологических факультетов. М., 2000. С. 10–11.

⁶⁴ Лампрехт К. *История германского народа*. С. 81.

⁶⁵ См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения. С. 362.

⁶⁶ Там же. С. 362.

⁶⁷ Буассонад П. *От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе*. С. 17.

⁶⁸ См.: Элизе Р. *Человек и земля*. Т. 3: *Древняя и новая история*. СПб., 1907. С. 314.

⁶⁹ Там же. С. 314.

⁷⁰ Там же. С. 316.

⁷¹ Там же.

⁷² См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения. С. 362; Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне об александрийской войне, об африканской войне. С. 130.

⁷³ Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М., 2011. С. 262–263.

раба, как это ни печально, было делом вполне обычным. Правда, как утверждает Тацит, мотивацией таких убийств являлась не жестокость, а целью не поддержание дисциплины. Такие убийства совершались «сгоряча», в пылу скоротечного гнева и оставались совершенно безнаказанными⁷⁴. Рабы, согласно точке зрения Ш. Летурно, появлялись вначале у древних германцев и галлов вследствие войны и применения юридических наказаний⁷⁵. По мнению М.Д. Шаргородского, в древнем праве, в том числе и в праве древних германцев, обращению в «уголовное рабство» могли быть подвергнуты лица, приговоренные к изгнанию, злостные неплательщики долгов, приговоренные к смертной казни, но помилованные⁷⁶. Уголовное рабство, о котором говорит М.Д. Шаргородский, по мнению В. Удинцева, одним из видов «личных последствий неисполнения заемных обязательств», очень распространенных в древнем праве⁷⁷. Такая, фактически неограниченная власть кредитора над должником проистекает из различных обстоятельств, к которым относят и факт самозаклада личности при заключении договора, и наделение деликтным характером самого факта просрочки, и, наконец, просто символическое словесное произнесение приговора над должником в момент заключения договора⁷⁸.

Определенный интерес в древнегерманском обществе эпохи Цезаря, а затем и Тацита вызывает институт кровной мести, о котором исследователи упоминают, но достаточно поверхностно. Кровная месть являлась одной из первых форм общественного и индивидуального реагирования на преступные посягательства в догосударственных и раннегосударственных обществах. Кровная месть у древних германцев во времена, предшествующие образованию первых варварских королевств, уже могла быть заменена композицией, а какой-либо устойчивой ненависти в кровнородственной вражде не наблюдалось. Более того, например, Д. Бертелеми выделяет в праве древних франков целую «файдовую» систему, которая соединяет в себе одновременно месть и композицию. Эту систему характеризует обязательная декларация родственниками участия в кровной мести, но не обязательная ее реализация. А также

тот факт, что древнегерманское общество «вовсе не рвут на части импульсивные люди, подверженные мстительному гневу»⁷⁹. Д. Бертелеми резюмирует, что у германцев существовало правосудие, ориентированное на мирное разрешение конфликтов, подтверждая, тем самым, точку зрения Э. Аннерса. Но решения судов по таким категориям дел не были обязательными для обеих сторон, и у лица оставалось, таким образом, право на осуществление кровной мести⁸⁰. «Из родового строя, – пишет Ф. Энгельс, – вытекало обязательство наследовать не только дружеские связи, но и враждебные отношения отца или родственников; равным образом наследовался вергельд – искупительный штраф, уплачиваемый вместо кровной мести за убийство или нанесение ущерба. Существование этого вергельда, признававшегося еще прошлым поколением специфическим германским институтом, теперь доказано для сотен народов. Это общая форма смягчения кровной мести, вытекающая из родового строя»⁸¹.

Упомянутая Д. Бертелеми «декларация родственников» об участии в кровной мести, осуществлялась следующим образом. После оскорбления оскорбленный обращался к своим родственникам с особым призывом (*die klage*). Следуя этому призыву, родственники собирались и приносили свои уверения в том, что они готовы либо участвовать в акте мести по отношению к виновнику или защищающим его родственникам, либо договориться с ними о вознаграждении скотом или деньгами⁸².

Необходимость защиты жизни, здоровья, чести и достоинства, собственности своей и родственников выражалась в актах мести и являлась внутренней потребностью древнего германца, его врожденным влечением. Однако широта выбора способов и адресатов мести значительно ограничивается с того момента, когда личность становится частью общественного союза. Не всегда и не за любое оскорбление предоставляется уже право убить обидчика или причинить ему какой-либо другой вред, осуществляя акт мести⁸³. Согласно данным С. Шпилевского, германские народные законы допускали акты мести не только в случае убийства, но и при так называемых «особенных» оскорблениях чести и дома. Во-первых, к таким оскорблениям относилась женитьба на похищенной девушке, без согласия ее родственников, что приводило к необходимости пла-

⁷⁴ См.: Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: *Анналы*. Мале произведения. С. 364.

⁷⁵ Летурно Ш. *Нравственность. Развитие ее с древнейших времен и до наших дней*. С. 312.

⁷⁶ См.: Шаргородский М.Д. *Наказание по уголовному праву. Часть первая: Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества*. С. 249.

⁷⁷ Удинцев В. *История займа*. Киев, 1908. С. 124.

⁷⁸ Там же. С. 124–125.

⁷⁹ Бертелеми Д. *Указ. соч.* С. 31.

⁸⁰ Там же. С. 31.

⁸¹ Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 21. С. 138–139.

⁸² См.: Шпилевский С. *Союз родственной защиты у древних германцев и славян*. Казань, 1866. С. 51.

⁸³ Там же. С. 36.

тить не только за похищение, но и за женитьбу во избежание мести в отношении женившегося похитителя. Во-вторых, оскорбление женской стыдливости путем, например, похищения одежды девушки во время купания. В-третьих, убийство раба, дававшая возможность его господину отомстить⁸⁴. Но в то же время древнегерманское обычное уголовное право запрещает осуществлять акты мести за ранения, закрепляя это в некоторых своих законах⁸⁵.

Характер мести у древних германцев вполне соответствовал суровому менталитету честного и мужественного воина. По мнению С. Шпилевского, произвол мести был значительно ограничен общим представлением о ней. «У германцев не было кровавой, жестокой мести, ее не исполняли над безоружными и попавшими в руки мстителю; кто мучил своего врага, отравлял его и тому подобное, тот совершал по германским понятиям, постыдное дело, которое могло быть причиной отмщения»⁸⁶. Нельзя было осуществлять акты мести над обидчиками в их доме, когда они находились под защитой домашнего очага – высшей степени защиты по понятиям древних германцев. Подобное считалось одним из самых серьезных преступлений. Любой акт возмездия должен был совершаться открыто, а не тайно. Труп убитого в процессе кровной мести необходимо было помещать на видимых всем участках местности (перекрестках дорог). На самом трупе или при нем необходимо было оставлять оружие, а также класть монету на труп, как символ того, что человек убит по мотивам кровной мести, а не в разбойном нападении. Древние франки шли еще дальше и выставляли голову, убитого в процессе кровной мести врага, на столбе или вешали тело на воротах⁸⁷. По обычаям древних германцев труп убитого не подлежал погребению до тех пор, пока не состоялся акт кровной мести. Подобное встречалось, например, у древних фризов вплоть до XIII столетия⁸⁸.

Еще одной формой общественного реагирования на общественно и индивидуально опасные посягательства в древних обществах являлось изгнание. Практиковалось подобное и в Древней Германии в эпоху догосударственного строя. Согласно точке зрения М.Д. Шаргородского, которую мы безоговорочно поддерживаем, изгнание, так же как и кровная месть не являлись видами наказаний. «Изгнание, как кровная месть, – пишет исследователь, – не являлись

мерами наказания, хотя и были мерами принуждения, применявшимися обществом, коллективом для борьбы с общественно опасными действиями при отсутствии государства и классов»⁸⁹. А.С. Шляпочников полагает, что по своей суровости изгнание приравнивалось к смертной казни⁹⁰. Например, изгнанники, получившие у древних германцев название «волки», очень часто объединялись в кружки и товарищества и, лишённые всяческих средств существования начинали представлять серьезную угрозу для общества. Согласно точке зрения И.Я. Фойницкого, изгнанные постоянно производили разбои, а иногда даже делали набеги на те селения и города, откуда их изгнали. Нередко горожанам приходилось военной силой отбивать такие набеги⁹¹. К. Лампрехт резюмирует: «Злоупотребление родовой властью каралось на фолкстинге, осуждение злодея торжественно провозглашалось: его разлучали с его родом, жена его становилась вдовой, дети его считались сиротами, его достояние разрушалось и уничтожалось. Его самого и память о нем предавали проклятию. В будущем на него должны были смотреть как на волка и убийцу, а не как на человека; никто не может предоставить ему свой дом или двор, или давать ему ночлег; никто не может напоить его, накормить, поддержать, – даже жена не вправе этого сделать: отныне он должен жить в лесу, подобно дикому зверю; всякий встречный волне убивать его без всякой жалости. Это была страшная участь – участь лесного бродяги; он мог только как разбойник поддерживать свою жизнь с часа на час, существование его было непрочно и ежеминутно подвергалось опасности...»⁹².

Обычное уголовное право древних германцев представляло собой основу для формирования новой западно-европейской правовой традиции. Подобное, во многом, стало возможным в силу особой трансформации этнического принципа «личного права» в территориальный принцип, носящий универсальный характер. Само же обычное право Древней Германии наиболее ярко и образно отражалось в основных правовых категориях – преступлении и наказании, обладающих определенной спецификой, но в целом совпадающих по своим основным характеристикам с подобными же правовыми институтами других народов многонациональной Европы.

⁸⁴ Там же. С. 38–39.

⁸⁵ Там же. С. 40.

⁸⁶ Там же. С. 41.

⁸⁷ См.: Лампрехт К. История германского народа. С. 125.

⁸⁸ Там же. С. 125.

⁸⁹ Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву. Ч. 1. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. С. 16.

⁹⁰ Шляпочников А.С. Указ. соч. С. 9.

⁹¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М., 2000. С. 159.

⁹² Лампрехт К. История германского народа. С. 125–126.

Библиографический список:

1. Абалонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии / В.О. Абалонин. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 208 с.
2. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский Славянские хроники / Пер. с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовский, редактор-составитель И.А. Настенко. – М.: «СПСЛ», «Русская панорама», 2011. – 584 с.
3. Аннерс Э. История европейского права / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1994. – 395 с.
4. Беккриа Ч. О преступлениях и наказаниях: Сост. и ред. Ю. М. Юмашев / Ч. Беккриа. – М.: Стелс, 1995. – 304 с.
5. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Г.Дж. Берман. – М.: «Ad marginem», 1999. – 432 с.
6. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1; Прим.: Неклюдов Н. / А.Ф. Бернер. – СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. – 447 с.
7. Блок М. Феодалное общество: Пер. с франц. М.Ю. Кожевниковой / М. Блок. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 503 с.
8. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе: Пер. с англ. И.А. Петровской / П. Буассонад. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2010. – 383 с.
9. Введение в германскую филологию: Учебник для филологических факультетов / М.Г. Арсеньева и др. – М.: ГИС, 2000. – 314 с.
10. Всеобщая история государства и права. Т. 1: Древний мир и средние века: Под ред. В.А. Томсинова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2011. – 640 с.
11. Георгиевский Э.В. Истоки происхождения уголовного права в архаических обществах: монография / Э.В. Георгиевский. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2006. – 128 с.
12. Головина А.А. Развитие воззрений на систему права и критерии деления права на самостоятельные отрасли в правоведении стран романо-германской правовой семьи // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – 3. – С. 299–308.
13. Гуляихин В.Н. Структурно-функциональные особенности различных состояний правосознания человека // NB: Вопросы права и политики. – 2012. – 2. – С. 90–116. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.2.153. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_153.html
14. Гуляихин В.Н. Семья как субъект ранней правовой социализации // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – 7. – С. 56–66. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9007.html
15. Гуляихин В.Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – 4. – С. 135–158. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_635.html
16. Гуляихин В.Н. Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – 3. – С. 221–238. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_559.html
17. Джамалова Э.К. Преемственность институтов обычного права и их влияние на формирование правовой культуры народов Дагестана // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – 3. – С. 20–27.
18. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые / В.В. Есипов. – Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1894. – 419 с.
19. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне: Пер. и коммент. М.М. Покровского. – М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 559 с.
20. История женщин на Западе: В 5 т. Т. II: Молчание Средних веков / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. – СПб.: Алетей, 2009. – 512 с.
21. Капустин М. Очерк истории права в Западной Европе / М. Капустин. – М.: В универ. тип., 1866. – 214 с.
22. Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры / М.О. Косвен. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1953. – 238 с.
23. Косвен М.О. Преступление и наказание в догосударственном обществе / М.О. Косвен. – М. – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 140 с.
24. Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII – XV веках. По материалам центральных и северных областей: Отв. ред. В.И. Рутенбург / Л.А. Котельникова. – М.: Наука, 1987. – 253 с.
25. Лампрехт К. История германского народа. Т. 1. Пер. с нем. П. Николаева / К. Лампрехт. – М.: Типолитография В. Рихтер, 1894. – 608 с.
26. Летурно Ш. Нравственность. Развитие ее с древнейших времен и до наших дней / Ш. Летурно. – СПб.: Книгоиздательство Н.С. Аскарханова, 1908. – 444 с.

27. Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография / Г.В. Мальцев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 608 с.
28. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное изд-во полит. литературы, 1961. – 745 с.
29. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии: Сост., пер. с фр., предисл., вступит. статья, коммент. А.Б. Гофмана / М. Мосс. – М.: КДУ, 2011. – 416 с.
30. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории / И.Ю. Николаева. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2010. – 410 с.
31. Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв.: монография / Ю.В. Оспенников. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 408 с.
32. Першиц А.И. История первобытного общества: Учебник / А.И. Першиц, А.Л. Монгайт, В.П. Алексеев. – М.: Высшая школа. 1974. – 223 с.
33. Полное собрание сочинений Т.Н. Грановского. Том II. – СПб.: Издание Н.Ф. Мертца, 1905. – 367 с.
34. Санников С.В. Представление о преступном деянии в раннесредневековой германской правовой культуре: соотношение частного и публичного начала // Проблемы античного мира и современность: Межвузовский научный сборник. Вып. 1. – Алмата, 2010. – С. 227–237.
35. Скрипилев Е.А. Основы римского права. Конспект лекций / Е.А. Скрипилев. – М.: ОСь-89, 2003. – 208 с.
36. Страхов Н.Н. Государство и право феодальной Англии: Конспект лекций для студентов Харьковского юридического института / Н.Н. Страхов. – Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1964. – 54 с.
37. Тацит Корнелий Сочинения в 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения: Изд. подгот. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеев / Корнелий Тацит. – Л.: Изд-во «Наука», 1969. – 443 с.
38. Турский Г. История франков: Изд. подгот. В.Д. Савукова / Г. Турский. – М.: Наука, 1987. – 461 с.
39. Удинцев В. История займа / В. Удинцев. – Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1908. – 252 с.
40. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И.Я. Фойницкий. – М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. – 464 с.
41. Фоссье Р. Люди средневековья: Пер. с франц. А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова, И.А. Эгипти / Р. Фоссье. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. – 352 с.
42. Чернышов Д.В. Особенности обычного права Западной Европы раннего средневековья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002.-№ 1. – С. 94–101.
43. Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву. Ч. 1. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества / М.Д. Шаргородский. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – 304 с.
44. Шляпочников А.С. Происхождение уголовного права и его развитие в докапиталистических формациях / А.С. Шляпочников. – М.: Государственное издательство «Советское законодательство», 1932. – 36 с.
45. Шпилевский С. Союз родственной защиты у древних германцев и славян / С. Шпилевский. – Казань: В универ. тип., 1866. – 245 с.
46. Элизе Р. Человек и земля. Т. 3: Древняя и новая история: Пер. с франц. П.Ю. Шмидта / Р. Элизе. – СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1907. – 622 с.
47. Harding A. Medieval Law and the Foundations of the State. Oxford University press, 2001. – 392 p.
48. Stein P. Roman law in European history. Cambridge University press. 1999. – 137 p.

References (transliteration):

1. Abalonin V.O. Zloupotreblenie pravom na isk v grazhdanskom protsesse Germanii / V.O. Abalonin. – М.: Volters Kluver, 2009. – 208 s.
2. Adam Bremenskii, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Lyubekskii Slavyanskii khroniki / Per. s lat. I.V. D'yakonova, L.V. Razumovskii, redaktor-sostavitel' I.A. Nastenka. – М.: «СПСЛ», «Russkaya panorama», 2011. – 584 s.
3. Anners E. Istoriya evropeiskogo prava / E. Anners. – М.: Nauka, 1994. – 395 s.
4. Bekkria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh: Sost. i red. Yu. M. Yumashev / Ch. Bekkria. – М.: Stels, 1995. – 304 s.
5. Berman G.Dzh. Vera i zakon: primirenje prava i religii / G.Dzh. Berman. – М.: «Ad marginem», 1999. – 432 s.
6. Berner A. F. Uchebnik ugolovnogogo prava: Chast' obshchaya. Chasti obshchaya i osobennaya: S primechaniyami, prilozheniyami i dopolneniyami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu. T. 1; Prim.: Neklyudov N. / A.F. Berner. – СПб.: Тип. N. Tiblena i komp., 1865. – 447 s.
7. Blok M. Feodal'noe obshchestvo: Per. s frants. M.Yu. Kozhevnikovoi / M. Blok. – М.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003. – 503 s.

8. Buassonad P. Ot nashestviya varvarov do epokhi Vozrozhdeniya. Zhizn' i trud v srednevekovoi Evrope: Per. s angl. I.A. Petrovskoi / P. Buassonad. – M.: ZAO Izd-vo Tsentrpoligraf, 2010. – 383 s.
9. Vvedenie v germanskuyu filologiyu: Uchebnik dlya filologicheskikh fakul'tetov / M.G. Arsen'eva i dr. – M.: GIS, 2000. – 314 s.
10. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava. T. 1: Drevnii mir i srednie veka: Pod red. V.A. Tomsinova. – M.: IKD «Zertsalo-M», 2011. – 640 s.
11. Georgievskii E.V. Istoki proiskhozhdeniya ugolovnoogo prava v arkhaischikh obshchestvakh: monografiya / E.V. Georgievskii. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 2006. – 128 s.
12. Golovina A.A. Razvitie vozzrenii na sistemu prava i kriterii deleniya prava na samostoyatel'nye otrasli v pravovedenii stran romano-germanskoi pravovoi sem'i // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2011. – 3. – С. 299–308.
13. Gulyaikhin V.N. Strukturno-funktsional'nye osobennosti razlichnykh sostoyanii pravosoznaniya cheloveka // NB: Voprosy prava i politiki. – 2012. – 2. – С. 90–116. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.2.153. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_153.html
14. Gulyaikhin V.N. Sem'ya kak sub"ekt rannei pravovoi sotsializatsii // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – 7. – С. 56–66. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9007.html
15. Gulyaikhin V.N. Pravovaya kul'tura kak ob"ekt nauchnogo issledovaniya: metodologicheskie podkhody, struktura i kriterii otsenki // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – 4. – С. 135–158. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_635.html
16. Gulyaikhin V.N. Dialektika estestvennogo i pozitivnogo prava kak istochnik obshchestvenno-pravovogo progressa // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – 3. – С. 221–238. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_559.html
17. Dzhamalova E.K. Preemstvennost' institutov obychnogo prava i ikh vliyanie na formirovanie pravovoi kul'tury narodov Dagestana // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2012. – 3. – С. 20–27.
18. Esipov V.V. Ocherk russkogo ugolovnoogo prava. Chast' obshchaya: Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye / V.V. Esipov. – Varshava: Tip. Varshav. ucheb. okruga, 1894. – 419 s.
19. Zapiski Yuliyi Tsezarya i ego prodolzhateli o gall'skoi voine, o grazhdanskoj voine, ob aleksandriiskoi voine, ob afrikanskoj voine: Per. i komment. M.M. Pokrovskogo. – M. – L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1948. – 559 s.
20. Istoriya zhenshchin na Zapade: V 5 t. T. II: Molchanie Srednikh vekov / Pod obshch. red. Zh. Dyubi i M. Perro. – SPb.: Aleteiya, 2009. – 512 s.
21. Kapustin M. Ocherk istorii prava v Zapadnoi Evrope / M. Kapustin. – M.: V univer. tip., 1866. – 214 s.
22. Kosven M.O. Ocherki istorii pervobytnoi kul'tury / M.O. Kosven. – M.: Izd-vo akademii nauk SSSR, 1953. – 238 s.
23. Kosven M.O. Prestuplenie i nakazanie v dogosudarstvennom obshchestve / M.O. Kosven. – M. – L.: Gos. izd-vo, 1925. – 140 s.
24. Kotel'nikova L.A. Feodalizm i gorod v Italii v VIII – XV vekakh. Po materialam tsentral'nykh i severnykh oblastei: Otv. red. V.I. Rutenburg / L.A. Kotel'nikova. – M.: Nauka, 1987. – 253 s.
25. Lamprekht K. Istoriya germanskogo naroda. T. 1. Per. s nem. P. Nikolaeva / K. Lamprekht. – M.: Tipolitografiya V. Rikhter, 1894. – 608 s.
26. Leturno Sh. Nравstvennost'. Razvitie ee s drevneishikh vremen i do nashikh dnei / Sh. Leturno. – SPb.: Knigoizdatel'stvo N.S. Askarkhanova, 1908. – 444 s.
27. Mal'tsev G.V. Kul'turnye traditsii prava: monografiya / G.V. Mal'tsev. – M.: Norma: INFRA-M, 2013. – 608 s.
28. Marks K. i Engel's F. Sochineniya. T. 21 / K. Marks, F. Engel's. – M.: Gosudarstvennoe izd-vo polit. literatury, 1961. – 745 s.
29. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii: Sost., per. s fr., predisl., vstupit. stat'ya, komment. A.B. Gofmana / M. Moss. – M.: KDU, 2011. – 416 s.
30. Nikolaeva I.Yu. Polidistsiplinarnyi sintez i verifikatsiya v istorii / I.Yu. Nikolaeva. – Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta, 2010. – 410 s.
31. Ospennikov Yu.V. Pravovaya traditsiya Severo-Zapadnoi Rusi XII – XV vv.: monografiya / Yu.V. Ospennikov. – M.: Yurlitinform, 2011. – 408 s.
32. Pershits A.I. Istoriya pervobytnogo obshchestva: Uchebnik / A.I. Pershits, A.L. Mongait, V.P. Alekseev. – M.: Vysshaya shkola. 1974. – 223 s.
33. Polnoe sobranie sochinenii T.N. Granovskogo. Tom II. – SPb.: Izdanie N.F. Mertssta, 1905. – 367 s.
34. Sannikov S.V. Predstavlenie o prestupnom deyanii v rannesrednevekovoi germanskoi pravovoi kul'ture: sootnoshenie chastnogo i publicnogo nachala // Problemy antichnogo mira i sovremennost': Mezhvuzovskii nauchnyi sbornik. Vyp. 1. – Almata, 2010. – С. 227 – 237.
35. Skripilev E.A. Osnovy rimskogo prava. Konspekt lektsii / E.A. Skripilev. – M.: OS"-89, 2003. – 208 s.

36. Strakhov N.N. Gosudarstvo i pravo feodal'noi Anglii: Konspekt lektsii dlya studentov Khar'kovskogo yuridicheskogo instiuta / N.N. Strakhov. – Khar'kov: Khar'kov. yurid. in-t, 1964. – 54 s.
37. Tatsit Kornelii Sochineniya v 2 t. T. 1: Annaly. Malye proizvedeniya: Izd. podgot. A.S. Bobovich, Ya.M. Borovskii, M.E. Sergeenko / Kornelii Tatsit. – L.: Izd-vo «Nauka», 1969. – 443 s.
38. Turskii G. Istoriya frankov: Izd. podgot. V.D. Savukova / G. Turskii. – M.: Nauka, 1987. – 461 s.
39. Udintsev V. Istoriya zaima / V. Udintsev. – Kiev: Tip. I. I. Chokolova, 1908. – 252 s.
40. Foinitskii I.Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem / I.Ya. Foinitskii. – M.: Dobrosvet-2000; Gorodets, 2000. – 464 s.
41. Foss'e R. Lyudi srednevekov'ya: Per. s frants. A.Yu. Karachinskogo, M.Yu. Nekrasova, I.A. Egipti / R. Foss'e. – SPb.: EVRAZIYa, 2010. – 352 s.
42. Chernyshov D.V. Osobennosti obychnogo prava Zapadnoi Evropy rannego srednevekov'ya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. – 2002.-№ 1. – S. 94–101.
43. Shargorodskii M.D. Nakazanie po ugovnomu pravu. Ch. 1. Nakazanie po ugovnomu pravu ekspluatatorskogo obshchestva / M.D. Shargorodskii. – M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1957. – 304 s.
44. Shlyapochnikov A.S. Proiskhozhdenie ugovnogo prava i ego razvitie v dokapitalisticheskikh formatsiyakh / A.S. Shlyapochnikov. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Sovetskoe zakonodatel'stvo», 1932. – 36 s.
45. Shpilevskii S. Soyuz rodstvennoi zashchity u drevnikh germantsev i slavyan / S. Shpilevskii. – Kazan': V univer. tip., 1866. – 245 s.
46. Elize R. Chelovek i zemlya. T. 3: Drevnyaya i novaya istoriya: Per. s frants. P.Yu. Shmidta / R. Elize. – SPb.: Tip. Akts. Obshch. Brokgauz-Efron, 1907. – 622 s.